

УДК 82:801.6

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-132-142>

Диалог поколений и тема памяти в рассказах Юрия Яковлева о Великой Отечественной войне

Елена Александровна Полева¹, Вера Олеговна Липовка²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *velipovka@yandex.ru*

² *poleva@tspu.edu.ru*

Аннотация

В центре нашего внимания произведения Ю. Я. Яковлева, востребованные в школьном литературоведении, обладающие воспитательным потенциалом, однако недостаточно исследованные литературоведами. Обзор статей, посвященных рассказам писателя о Великой Отечественной войне, позволяет выделить их общие особенности: центральными являются мотив памяти и прием ретроспекции, обеспечивающие смычку двух временных пластов – 1940-х и 1960-х гг.; значимость диалогов персонажей разных поколений, внимание к внутреннему миру человека. *Цель* статьи – исследовать тему памяти и своеобразие межпоколенческого диалога в двух практически не исследованных ранее рассказах Юрия Яковлева 1970-х гг., посвященных Великой Отечественной войне. Литературный материал («Девочки с Васильевского острова», «Память») интерпретирован с опорой на структурно-семиотический метод исследования. Писатель использует ряд художественных приемов: ретроспекцию, соположение двух пространственно-временных планов (война и современность), в центре – пара персонажей «ребенок – взрослый» или «ребенок – ребенок», первый представляет послевоенное поколение и является носителем знания о войне или инициирует получение этого знания, а второй – имеющий непосредственный опыт войны/блокады. Ю. Яковлев раскрывает идею духовного родства, нерушимой связи фронтового и послевоенных поколений. Ребенок у Яковлева является хранителем памяти и транслятором знаний о войне. Для того чтобы погибшие продолжили жить в памяти своих духовных потомков, необходимы личные усилия, проявление настойчивости и храбрости.

Писатель наследует некоторые черты «лейтенантской прозы» (лаконизм повествования, внимание к внутреннему миру персонажа, соединение лиризма, психологизма и натурализма). Вместе с тем есть отличия, что обусловлено временем создания текстов – 1970-е гг. Изображение событий 1940-х гг. опосредовано сознанием и воображением персонажей-детей, родившихся уже после войны, а значит, не могущих быть непосредственными свидетелями или носителями военного опыта. Эта особенность позволяет трактовать рассказы Ю. Яковлева в контексте концепции «постпамяти», обоснованной М. Хирш.

Ключевые слова: литература для детей, Ю. Яковлев, Великая Отечественная война, тема памяти, воспоминания, связь поколений

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, номер проекта: QZOY-2023-0007, тема «Использование образовательного потенциала артпедагогики для развития практик гражданско-патриотического воспитания школьников, включая цифровые форматы».

Для цитирования: Полева Е. А., Липовка В. О. Диалог поколений и тема памяти в рассказах Юрия Яковлева о Великой Отечественной войне // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 132–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-132-142>

The dialogue of generations and the theme of memory in Yuri Yakovlev's stories about the Great Patriotic war

Elena A. Poleva¹, Vera O. Lipovka²

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ *poleva@tspu.edu.ru*

² *velipovka@yandex.ru*

Abstract

The focus of our attention is on the works of Yu. Ya. Yakovlev, which are in demand in school literary studies, have educational potential, but are insufficiently studied by literary critics. A review of articles devoted to the writer's

stories about the Great Patriotic War allows us to highlight their common features: central are the motif of memory and the technique of retrospection, providing a “link” of two time layers – the 1940s and the present (for the characters); the importance of dialogues of characters of different generations, attention to the inner world of characters. The article explores the theme of memory and the peculiarity of intergenerational dialogue in the works of Yuri Yakovlev of the 1970s, dedicated to the Great Patriotic War. The literary material (“Girls from Vasilievsky Island”, “Memory”) is interpreted based on the structural-semiotic research method. The writer uses a number artistic techniques: retrospection, the juxtaposition of two space-time planes (war and modernity), in the center – a pair of characters “child-adult” or “child-child”, the first represents the post-war generation and is the bearer of knowledge about the war or initiates the acquisition of this knowledge, and the second – having direct experience wars/blockades. Yu. Yakovlev reveals the idea of spiritual kinship, the unbreakable bond of the front-line and post-war generations. In order for the deceased to continue to live in the memory of their spiritual descendants, personal efforts, work and courage are needed to preserve knowledge about the war, loyalty to friendship. The analysis of the stories makes it clear that the writer inherits some features of the “lieutenant’s prose” (laconism of narration, attention to the inner world of the character, reliance on documentalism, a combination of lyricism, psychologism and naturalism). At the same time, there are differences due to the time of the creation of texts – the 1970s. The depiction of the events of the 1940s is mediated by the consciousness and imagination of the characters-children born after the war, which means they cannot be direct witnesses or bearers of military experience. This feature allows you to interpret the stories of Yu. Yakovlev in the context of the concept of “post-memory”, justified by M. Hirsch.

Keywords: literature for children, Yu. Yakovlev, the Great Patriotic war, the theme of national memory, recollections, communication of generations

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, project number: QZOY-2023-0007, topic “Use of the educational potential of art pedagogy for the development of practices of civic-patriotic education of schoolchildren, including digital formats.”

For citation: Poleva E. A., Lipovka V. O. Dialog pokoleniy i tema pamyati v rasskazakh Yuriya Yakovleva o Velikoy Otechestvennoy voyne [The dialogue of generations and the theme of memory in Yuri Yakovlev’s stories about the Great Patriotic war]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 132–142 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-132-142>

Введение

Тема Великой Отечественной войны, войдя в литературный процесс в 1940-х гг., не теряла своей актуальности для писателей второй половины XX в., востребована и в начале XXI в. Тексты о войне значимы и в современном литературном образовании, так как они дают возможность не только изучать художественные особенности произведений, созданных в конкретные историко-культурные эпохи, но и осмысливать гражданско-патриотическую позицию персонажей, повествователя, автора, конкретизировать представления о патриотизме, проявляемом в поступках и словах субъектов речи.

Как отметил Р. Ю. Федоров, сегодня наблюдается «возрождение востребованности наследия советской детской литературы на фоне дефицита новых духовно-нравственных ориентиров художественного творчества, рассчитанного на подрастающие поколения» [1, с. 73]. Слова исследователя подтверждаются пересмотром списков произведений, обязательных к изучению в школе с 2023 г., возвращением в программу классиков советской литературы. Отдельная задача учителя – включение в круг чтения подростков книг, созданных с учетом их возрастных особенностей.

Однако именно произведения о Великой Отечественной войне, написанные детскими писателями в советский период, актуализируемые сегодня в школьной практике, недостаточно изучены литературоведчески.

В центре нашего внимания проза обозначенного тематического направления, созданная Юрием Яковлевичем Яковлевым (Ховкиным, 1922–1995) для детей. Литературная биография писателя-фронтовика началась в конце 1940-х гг. с поэзии [2], а рассказы о Великой Отечественной войне в основном написаны в 1960-х – начале 1980-х гг. («Погонщик слона», «Девочки с Васильевского острова», «Реликвия», «Девушка из Бреста», «Балерина политотдела», «Память», «Иван-Виллис», «Зимородок», «Помните Гришу!», «Как Сережа на войну ходил» и др.) и ориентированы на поколения детей-читателей, уже на четверть века и больше отдаленных от трагических событий.

Книги Ю. Яковлева в советские годы издавались большими тиражами, ряд произведений был экранизирован; сам он, как отметила О. Н. Челюканова, «автор сценариев к пятнадцати полнометражным художественным фильмам и ряду мультипликационных» [3, с. 94]. Несмотря на

популярность в советскую эпоху и неослабевающее внимание учителей к его прозе сегодня [4–9], творчество Ю. Яковлева мало изучено. Однако с середины 2010-х гг. наблюдается интерес литературоведов к его наследию, в том числе и прозе о войне. В частности, отдельные аспекты поэтики ряда рассказов интерпретированы в докторской диссертации О. Н. Челюкановой [3]; на материале рассказа «Иван-Виллис» ею анализируется сочетание рационального и эмоционального в отображении темы Великой Отечественной войны, обозначается мотив двойничества и его своеобразие (старая фронтовая машина выступает товарищем и двойником своего владельца) [10]. Интересные литературоведческие наблюдения о приемах раскрытия темы войны в рассказе «Тяжелая кровь» приведены в методической статье Н. И. Горобец: автор анализирует семантику заглавия, функцию перволичного повествования, монологов и диалогов, образ матери, вынужденной пережить казнь своих «сыновей» [11, с. 174–180].

И. Г. Минералова, П. Ш. Цуруева, анализируя рассказ Ю. Яковлева «Где стояла батарея», отмечают значимость фигуры персонажа-рассказчика, который благодаря памяти о войне обеспечивает «смычку» двух времен – 1940-х и современности: «Соположение времен, сведение военного и мирного времени на крыльце школы, создает условно-фантастический образ, когда эти времена оказываются в одной точке пространства практически одновременно» [12, с. 71].

Рассказу «Балерина политотдела», экранизированному в 1980 г. Наумом Бирманом на основе сценария, созданного самим писателем (фильм «Мы смотрели смерти в лицо») [13], посвящена статья Л. В. Тихомировой. Исследователь отмечает такие значимые и для нашего исследования особенности прозы Ю. Яковлева о войне, как использование документальной основы для сюжета, диалог двух поколений, актуализация памяти о войне. «Автор использует прием диалога с персонажем в качестве диалога с молодым юным поколением», – отмечает Л. В. Тихомирова [14, с. 306].

Вышеназванные исследования освещают отдельные вопросы проблематики и поэтики произведений Ю. Яковлева. В отличие от них в статье Р. Ю. Федорова основной акцент делается на мировоззрении писателя, на осмыслении биографических данных и высказываний Ю. Яковлева, проясняющих его писательскую позицию и даже миссию: «Личная трагедия писателя, связанная с войной (его мама погибла в блокадном Ленинграде. – Е. П., В. Л.), оказала большое влияние на формирование его мировоззренческих ориентиров. ... в отличие от многих других писателей тех

лет, в произведениях Юрия Яковлева о войне почти отсутствуют описания батальных сцен и образы плакатных героев. Вместо них, одним из первых в советской литературе, Яковлев обратился к трагедиям простых беззащитных людей, ставших своеобразными мучениками войны» [1, с. 68–69]. Р. Ю. Федоров убедительно обосновывает экзистенциальную основу коллизий в произведениях писателя и приходит к выводу: «...его произведения сегодня можно назвать своеобразным „экзистенциализмом детства“. В них автор уделяет особое внимание тем моментам, когда маленький человек начинает искать ответы на основополагающие философские жизненные вопросы или впервые оказывается перед определенным нравственным выбором» [1, с. 69].

Материал и методы

Учитывая литературоведческий контекст изучения прозы писателя, для анализа избраны практически не исследованные рассказы «Девочка¹ с Васильевского острова» (1970) и «Память» (1974). В поэтике этих произведений, как и во многих других, соположены два временных пласта: современность и Великая Отечественная война. Тексты схожи и тем, что в центре повествования – пара персонажей, один из которых непосредственно пережил опыт войны, а второй – ребенок послевоенного времени, что позволяет автору показать страшные события прошлого в восприятии потомков, детей мирного времени, которыми война может быть воспринята только опосредованно (через общение со старшим поколением, артефакты). При общем сходстве не возникает автоповторов. В рассказе «Девочка с Васильевского острова» героини – сверстницы-подростки: Валя Зайцева, живущая в Ленинграде в 1960-х гг., и ушедшая из жизни после блокады Тая Савичева. В центре системы персонажей рассказа «Память» девочка-ученица и завуч школы Антонина Ивановна, партизанившая в годы войны.

Выявить художественные приемы раскрытия межпоколенческого диалога и авторскую концепцию памяти в рассказах – цель этой работы. В исследовании применяется структурно-семиотический анализ сюжета, повествования, художественного пространства и времени, образов персонажей.

Результаты и обсуждение

В рассказе «Девочка с Васильевского острова» (1970) повествование ведется от первого ли-

¹ В разных изданиях встречаются варианты написания первого слова названия в единственном и множественном числе: «Девочка» или «Девочки». На наш взгляд, концептуально точнее множественное число, однако здесь указываем вариант, используемый в издании, по которому осуществляется цитирование текста.

ца – девочки Вали Зайцевой, которая называет себя подружкой Тани Савичевой, автора знаменитого блокадного дневника. В завязке сохраняется интрига: Валя точно описывает место жизни (Ленинград, Васильевский остров, Вторая линия, здания), но не обозначает время. Эпиграф к рассказу из дневника Т. Савичевой, слова Вали о дружбе с Таней, с которой они еще и «соседки» [15, с. 84], вначале позволяют предполагать, что время сюжетных событий – 1940-е, годы блокады. Однако уже во втором абзаце Валя обмолвилась о несовпадении времени жизни ее и Тани: «Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня еще не было на свете...» (здесь и далее курсив наш. – Е. П., В. Л.) [15, с. 85]. Итак, рассказ – о дружбе двух девочек, которые ни разу не встречались и принадлежат разным поколениям.

Ю. Яковлев использует прием «текст в тексте», приводя цитаты из Таниного дневника и «заставляя» ребенка послевоенного поколения переписывать их. Получается, рассказ состоит из текстов двух девочек (письменного и устного), непосредственно описывающих события своей жизни, свои чувства. Блокадный текст стал документом эпохи, хранилищем памяти о преступлениях фашистов и героизме ленинградцев, а текст современного подростка фиксирует значимое субъективное переживание своей сопричастности трагической национальной истории, самоидентификацию через отношения дружбы с девочкой, погибшей из-за блокады Ленинграда. Валя использует местоимение «мы», находит множество деталей, роднящих ее с Таней: «Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь», «Мы одноклассники. Обе с Васильевского острова», «У нас все общее. И улица, и школа. У нас есть хомячок», «У нас даже почерк одинаковый!» [15, с. 85, 86]. Валя Зайцева¹ видит в Тане нравственный идеал, поэтому соизмеряет свои привычки и поступки со знаниями о жизни Савичевой. Для современного подростка важны устремления погибшей сверстницы стать учительницей, она готова с Таней играть, петь, гулять, совершенствовать ораторские навыки: «Мы пойдем с тобой в Румянцевский сад, побегаем, а когда надоест, я принесу из дома бабушкин платок, и мы сыграем в учительницу Линду Августовну. У меня под кроватью живет хомячок. Я подарю его тебе на день рождения. Слышишь, Таня Савичева?» [15, с. 88].

Принципиально важно для Ю. Яковлева, что не взрослый, а сам ребенок не просто устанавливает связь с прошлым, но и делает его настоя-

щим, живым, значимым. Эта способность отличает ребенка от шаблонно мыслящего взрослого, что подчеркивается в повествовании. Валя возмущена и удивлена непониманием и недоверием взрослых к ее словам о дружбе с Таней: «До чего бестолковые люди, а еще взрослые! Что значит „нет“, если мы дружим?» [15, с. 86].

У Ю. Яковлева Валя через погружение в текст погибшей сверстницы и воображение как бы «помнит» о том, чему она не была свидетелем, что узнала из рассказов, текстов, артефактов: «Но я все про нее знаю. Мне рассказывали» [15, с. 85]. Такая трактовка автором мотива памяти отсылает к стихотворению А. Твардовского «Я убит подо Ржевом» (1945), где лирический субъект фактически становится голосом убитых на войне и завещает живым жить полностью, нравственно и счастливо. Валя за погибшую Таню пишет слова ее дневника на памятнике, за нее и для нее стремится к достижению мечтаний, осмысленных как общие с Савичевой (стать учительницей, научиться петь, например). Но еще ближе яковлевская концепция памяти к формуле, выраженной в том же году, что и написан рассказ, Р. Рождественским в тексте «За того парня» (1970). Если лирический герой А. Твардовского – носитель опыта войны, то лирический герой Р. Рождественского, как и персонаж рассказа Ю. Яковлева, отдален от событий войны более чем на двадцать лет:

Даже не был я знаком
с парнем,
обещавшим:
«Я вернусь, мама!..» [16].

Однако отсутствие личной связи парадоксально не мешает помнить за не вернувшегося с войны солдата:

Что-то с памятью моей
стало:
все, что было не со мной,
помню [16].

Причем эта память и установка жить «на земле доброй / За себя и за того парня» связана с морально-нравственным императивом: «Но иначе жить нельзя...» [16].

И литературный, и социально-психологический феномен возникновения памяти о том, что было в прошлом за пределами личного опыта, в исследовательской литературе получил терминологическое обозначение «постпамять». Изучена и роль ребенка в трансляции знания о войне посредством постпамяти. М. Хирш отмечает, что «поколение после» помнит/знает о трагических событиях прошлого «на таком глубинном и эмоциональном уровне, что сами становятся словно бы полноправными воспоминаниями. Связь

¹ Ю. Яковлев использует провокативно не подходящую поведению героини фамилию: Зайцева – храбрая девочка.

постпамяти с прошлым осуществляется, таким образом, не через воспоминание, но через потребность и желание, за счет привлечения воображения, проективных и творческих механизмов» [17, с. 5].

Валя в рассказе Ю. Яковлева не только детально воспроизводит в воображении образ жизни Тани, отчасти воплощает то, о чем мечтала подруга, но и соотносит со своей жизнью, фиксирует несовпадение обстоятельств жизни. Это позволяет понять характер сразу двух персонажей и сопоставить два пространственно-временных образа Ленинграда: начала 1940-х и конца 1960-х гг., когда создавался мемориальный комплекс в память о героическом стоицизме детей во время блокады. Переключка, диалог времен выстраивается Ю. Яковлевым через ряд мотивов, которые смыкают историю разных поколений и проявляют экзистенциальную связь Вали Зайцевой с Таней Савичевой. Прежде всего это мотивы еды/голода, холода и смерти.

Мотив еды вводится в завязке, в первых абзацах. На первый взгляд, Валя упоминает незначительные детали своей жизни – рассказывает о хомячке, который живет у нее под кроватью: «Набьет полные щеки, про запас, сядет на задние лапы и смотрит черными пуговками...» [15, с. 84]. Однако эта частность задает значимую тему соотношения сегодняшнего сытого дня с временем блокады. Валя описывает пространство, где прошло детство Тани, где стояла *булочная*. Но предназначенное для счастливой жизни пространство Ленинграда оказывается наполнено смертью, а устремления самой Тани – петь, учиться и учить – невыполнимы из-за фашистов.

Валя не ела весь день, чтобы ощутить, что испытывала Таня, однако девочка понимает, что ее опыт с блокадным несопоставим: «Голод – когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце – все, что у тебя есть, голодает. Сперва голодает, потом умирает» [15, с. 86]. Через детали блокадного быта («...раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти» [15, с. 87]), воображенные маленькой девочкой, раскрывается трагедия целого народа, боль и отчаяние, которые, однако, не смогли сломить дух жителей осажденного города.

Мотив голода неразрывно связан с мотивами холода и смерти. Если испытать чувство голода, какое пережили блокадники, Валя не может, то погружение в состояние холода и переживания смерти близких возникает во время переписывания дневника Тани на бетонных стенах: «Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано: „Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г.“».

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти.

Но я василеостровская. И, если у подруги умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

– Давайте ваш бетон. Буду писать» [15, с. 86].

Процесс увековечивания памяти в бетоне оказался тяжелым не только физически («Писать было трудно», «У меня плохо получалось»), но и морально («Я очень устала писать слово „умер“», «„Я допишу“, – ответила я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз» [15, с. 87]). Процесс преодоления боли и отчаяния современным подростком носит экзистенциальный смысл: происходит сближение двух поколений, живущих в разное время, но незримо связанных друг с другом.

Автором проводится параллель между юными представителями военного и послевоенного поколений, и вторые оказываются достойными преемниками первых. Валя увековечивает память не только о подруге, но и о всех детях, погибших в блокадном Ленинграде, выводя на бетоне строки из знаменитого дневника Тани Савичевой¹.

В памятнике «Цветок жизни» материализованы память о жертвах войны, долг и ответственность живых перед мертвыми. Но для Яковлева важнее продление жизни погибших силами памяти и воображения представителей будущих поколений, поэтому Валя, закончив писать текст дневника, не просто отвечает на последнюю фразу дневника «Осталась одна Таня», а горячо оспаривает ее: «И я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестренки Люльки. Голодная. Под обстрелом.

В пустой квартире на Второй линии. Я захотела зачеркнуть эту последнюю страницу, но бетон затвердел, и палочка сломалась.

И вдруг про себя я спросила Таню Савичеву: „Почему одна? А я? У тебя же есть подруга – Валя Зайцева, твоя соседка с Васильевского острова. <...> Слышишь, Таня Савичева?“» [15, с. 88].

Символично, что у Вали не получается зачеркнуть фразу: опыт блокадников зафиксирован в бетоне, увековечен, так как историю переписать нельзя и невозможно вычеркнуть из памяти трагическое прошлое.

Отдельного внимания заслуживает специфика речи персонажей. Текст дневника краток, в нем использованы парцеллированные конструкции,

¹ Траурный курган «Дневник Тани Савичевой», входящий в мемориальный комплекс «Цветок жизни» (по Дороге жизни, на Ржевке), был открыт в 1975 г., тогда как рассказ был опубликован раньше – в 1970 г. Не располагая фактами, предположим, что Ю. Яковлев был знаком с планами увековечить дневник и проектом памятника, так как в рассказе довольно точно описывается его внешний вид – записи из дневника на отдельных бетонных стенах.

короткие фразы, что передает состояние умирающей от голода девочки, переживающей смерти близких. Речь Вали передает ее взволнованность и из-за сопереживания Тане, и из-за желания убедить окружающих (и читателей), что ее дружба с Таней – не вымысел, а правда. Синтаксически это выражается в использовании многоточий. Фразы обрываются, возникают паузы, свидетельствующие о волнении, сочувствии, сбое ритма, дыхания: «Она осталась там... моя подруга Таня Савичева. <...> Ее убили фашисты. Не пулей, не снарядом – голодом. Не все ли равно, чем убивают. Может быть, пулей не так больно, как голодом?..» [15, с. 85].

Ребенок, сопереживая, понимает, что героизм противостояния фашизму не сводится к военным действиям: «Моя подруга Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нем жила Таня Савичева и жили еще много других девочек и мальчишек, которые так навсегда и остались в свое время. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней» [15, с. 88]. Структура постпамяти помогает современному ребенку идентифицировать себя с детьми военного времени.

В этом рассказе проявляется (актуализованная и в других произведениях Ю. Яковлева) мысль о долге детей последующих поколений воплотить те мечты, которые не смогли ребята, погибшие в годы Великой Отечественной войны. Однако дело не только в осознании долга потомков перед павшими. Основным мотивом Валиных действий является дружба, которая может быть только при взаимной поддержке друг друга. Память о Тане помогает Вале справиться с бытовыми трудностями (постоять за себя, не отступить от своего замысла). Судьба Тани задает ценностные ориентиры и помогает осознать, что счастливая жизнь современных подростков, представителей послевоенного времени, была бы невозможной без духовного стоицизма девочек и мальчиков, не сдавшихся фашистам. Но и Валя нужна Тане, так как, помня о ней, дружа с ней, Валя делает ее живой. «А дружат ведь только с живыми» [15, с. 88] – эта предфинальная фраза рассказа аккумулирует авторский замысел и подтверждает мысль М. Хирш, что «постпамять тогда становится опытом восстановления и преобразования, когда мы вспоминаем о прошлом, сталкиваясь с нашим будущим» [17].

В рассказе «Память», как и в «Девочке...», Ю. Яковлев деавтоматизирует восприятие произведений о Великой Отечественной войне, где, как

правило, знания о войне передаются от старшего поколения к младшему, и взрослые являются носителями, хранителями и трансляторами воспоминаний. У Ю. Яковлева «черноголовая» девочка, родившаяся в послевоенное время, откуда-то знала о событиях в Орше, случившихся задолго до ее рождения (работа партизан-подростков в тылу). Не участник Великой Отечественной войны, а его потомок напоминает о прошлом, помогает завучу Антонине Ивановне вспомнить военные годы, ранение, спасшее юной Тоне жизнь – вместо нее на задание пошла и погибла Лида Демеш.

Повествование ведется от третьего лица, но большая часть рассказа – диалог девочки и завуча. Общение ребенка и взрослого обеспечивает «смычку времен и поколений» [18, с. 325]. Благодаря «воспоминаниям» девочки и завуча хронотоп рассказа усложняется: наряду с современностью появляется пространство и время войны. Причем в процессе разговора его участники так глубоко погрузились в прошлое, что современность отступила на второй план: фразу ученика «В-в-вас директор з-з-зовет!» [19, с. 252] Антонина Ивановна и ученица не слышат, никак на нее не реагируют.

Воспоминания завуча о своем участии в партизанском отряде переданы через метафору сложного, «трудного» пути: «Черноголовая как бы взяла за руку пожилую учительницу и привела ее в покосившийся сарай с крышей из ржавого, отслужившего железа»; «Теперь она настойчиво прокладывала дорогу в свое прошлое...» [19, с. 249, 250]. Именно благодаря этому пути происходит внутреннее изменение образа Антонины Ивановны: из завуча, «строгой наставницы» она вновь превращается в участницу военных событий, 15-летнюю партизанку Тоню Кулакову. Метаморфозы в образе завуча повествователь подчеркивает рядом деталей: меняется голос (вначале «ее голос прозвучал гулко и раскатисто», а затем, когда она стала вспоминать, «ее голос прозвучал задумчиво, приглушенно, словно донесся из Лидиной сараюшки»; «нерешительно сказала завуч...» [19, с. 250, 251]), манера поведения: вначале проявляются доведенные до автоматизма реакции завуча на ученика, но затем пробуждаются эмоции, свидетельствующие о глубоких переживаниях («почти механически спросила завуч», «Антонина Ивановна слегка покраснела», «подтвердила Антонина Ивановна и опустила голову» [19, с. 250, 251]).

Несмотря на то что рассказ «Память» реалистический, Ю. Яковлев использует в повествовании необъяснимое рационально допущение: «черноголовая» в деталях, нюансах «помнит» то, что помнить не может, то, что случилось с Тоней

и ее погибшей подругой Лидой до ее рождения. Можно предположить, что в семье девочки кто-то из старшего поколения (упоминается дедушка) являлся носителем знания и передал его ей. Но вопрос, откуда ребенок доподлинно знает события жизни этих подростков-партизан 1940-х гг., совсем не освещается в повествовании, поэтому для завуча и, вероятно, для читателей в знании ученицы есть элемент тайны: «Девочка вспоминала то, чего она в силу своего возраста не могла помнить, и как бы задавала учительнице наводящие вопросы» [19, с. 249–250]. То есть Ю. Яковлев вновь фактически описывает явление постпамяти, которая, указывая на прошлое, «меняет настоящее: делает присутствие прошлого ключом к повседневности» [20, с. 72]

Ученица и учительница как бы меняются ролями: девочка задает наводящие вопросы, чтобы учительница вспомнила то, что забыла, что не актуализировано в ее сознании (когда «черноголовая», начиная разговор, напоминает о Лиде Демеш, Антонина Ивановна спрашивает, из какого она класса, т. е. соотносит это имя не с прошлым, а с настоящим). Девочка возвращает учительницу и к чувству вины, и к долгу памяти: «На какое-то мгновение ей показалось, что обо всем, что в годы войны происходило в Орше, она впервые узнает со слов своей ученицы. И оттого, что маленькая ученица так уверенно ориентируется в ее военном прошлом, пожилая учительница почувствовала себя защищенной от *разрушительной силы забвенья*» [19, с. 250]. Магистральная в прозе Ю. Яковлева (кроме названных выше, об этом рассказ «Помните Гришу!») мысль о необходимости сохранения, оживления памяти о каждом погибшем во время войны, о людях, героически противостоявших фашистам, памяти, которая стирается в потоке повседневной жизни даже у переживших войну: «Теперь, когда заболит старая рана, вспоминаешь не о войне, а о поликлинике, – рассеянно сказала учительница» [19, с. 253].

«Черноголовая» – центральный персонаж, однако имя ее не названо, детали ее жизни неизвестны, а образ дан несколькими штрихами: когда рисует, отправляет «кисточку в рот», а вокруг рта остаются «следы всех красок ее небогатой палитры» [19, с. 248], ходит в танцевальный кружок, как когда-то, до войны, Лида Демеш. С одной стороны, эта девочка, лишенная индивидуализированных черт, воплощает новое поколение детей в целом, она – связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. С другой стороны, ее образ сливается с обликом погибшей Лиды – так Ю. Яковлев утверждает миссию новых поколений жить и за себя, и за погибших.

Дети поколения послевоенного времени могут в своих судьбах воплощать мечты, развивать в себе присущие ушедшим таланты. Это, по мысли Ю. Яковлева, делает гибель людей не напрасной. А благодарный ребенок нового поколения – не только носитель постпамяти, но и ее катализатор в других, хотя помнить о войне тяжело, трудно.

Девочка одновременно и пробуждает чувство вины у Антонины Ивановны, и выступает ее адвокатом, снимает вину оставшейся в живых перед погибшей Лидой, и делает это настойчиво, эмоционально, что проявляется в ее речи (повторы, многоточия, вопросы, восклицания). Причем прямая речь персонажей перемежается с фрагментами от третьего лица, предающими общие для девочки и завуча мысли, состояния: «Кому погибать? Как ответить на этот бесконечно трудный вопрос? Тем более что погибнуть должна была Тоня, Антонина Ивановна.

Вместо привала наступил самый *трудный* участок пути. <...>

– Вы не пришли, и Лида сама понесла записочку к партизанам.

И попала в засаду... <...>

– Вы не пришли, потому что были ранены. Раненые не могут ходить... Вы были ранены...

Антонина Ивановна молчала. Тогда девочка дотронулась до руки учительницы.

– Вы же были... были!.. <...>

Наконец-то ей удалось убедить Антонину Ивановну, что она была ранена» [19, с. 252–253].

Сюжетная ситуация раскрывает авторскую идею памяти о Великой Отечественной войне, новое поколение оказывается способно на соучастие, на диалог на равных: «Теперь разговор строгой наставницы и ученицы напоминал встречу двух бывалых людей, когда один помогает вспоминать другому, и две человеческие памяти сливаются в одну» [19, с. 251]; «Антонина Ивановна и не заметила, как вместо „знаешь“ сказала „помнишь“» [19, с. 250].

В рассказе «Память» «война из события истории превращается в переживание личности» [21, с. 9], причем экзистенциальное переживание, сохранение памяти о событиях прошлого – то, что ценностно значимо для персонажа-ребенка и связано со смыслом существования. Военные события, восстановленные «черноголовой» девочкой, еще не рожденной в эпоху Великой Отечественной войны, помогают не только вспомнить о происходящем непосредственной участнице партизанского сопротивления, но и испытать чувство вины живых перед павшими – за забвение.

Отметим принципиальную для Ю. Яковлева установку на закрепление в своих произведениях памяти о реальных героях войны, причем героя-

ми являются не только те, кто отличился в боях, но и те, кто своей жизнью, поступками, верой в победу сопротивлялся фашизму. В рассказах «Девочка с Васильевского острова» и «Память» внетекстовыми персонажами являются ленинградка Таня Савичева и партизанившая в Белоруссии Лида Демеш. В послесловии к сборнику рассказов «Самая высокая лестница» Ю. Яковлев пишет о «Памяти»: «В этом рассказе очень мало вымышленного. И все, что связано с маленькой белорусской пионеркой Лидией Демеш, – правда» [22, с. 41]. Автор акцентирует внимание на храбрости девочек, на их силе духа, достойном принятии ими испытаний и даже смерти: «Когда Лиду вели на расстрел, она крикнула: „Передайте маме, что меня ведут на расстрел!“» [19, с. 253].

По мнению М. Хирш, постпамять является структурой меж- и транспоколенческого возвращения травматического знания и воплощенного опыта [17, с. 17]. По версии Ю. Яковлева, такая «транспоколенческая» память необходима новым поколениям.

Так как Ю. Яковлев обращается к теме Великой Отечественной войны в годы оттепели и постоттепельный период, нами учитывается соответствующий литературный контекст и общая специфика военной прозы этих лет. Анализируемые рассказы написаны в 1970-х гг., когда жанр лирической фронтовой повести/рассказа не просто сложился, а уже начал переживать трансформацию [23, с. 180]. Н. Л. Лейдерман отметил характерные черты «лейтенантской прозы»: отказ от монументализма, соединение в поэтике лиризма, психологизма и натурализма, внимание к быту войны и простому солдату, героизму «среднего» человека, к вопросам нравственного выбора [23, с. 162–180]. Писатели «окопной правды» использовали перволичное повествование либо приемы и формы передачи внутреннего мира человека (внутренние монологи, текст в тексте и пр.); при этом, по словам В. Г. Моисеевой, «лаконизм и лапидарность стиля, характеризующая психологию героя-рассказчика, в наибольшей степени соответствуют и материалу изображаемой действительности. Избранная писателем форма повествования и стиль в единстве создают в произведении лирическую тональность и эффект документалистической достоверности» [24, с. 63]; в основе сюжета – документальный или автобиографический материал [23, 24].

Последующие трансформации военной прозы, в 1970-х гг., связаны с усилением «философской нагруженности сюжета, образов» [24, с. 64], экзистенциальной проблематики, острой постановкой вопроса о выборе в пограничной ситуации, ярко выразившейся, например, в творчестве

В. Быкова. Если «общая» литература о Великой Отечественной войне в конце 1960–70-х гг. тяготеет к романизации, «к эпической полноте» (курсив Н. Л. Лейдермана. – Е. П., В. Л.) [23, с. 180], то в детской литературе данного периода повесть и рассказ на эту тему остаются основными жанрами.

Вместе с тем детская литература, как и «взрослая», сохраняет в 1970-х гг. установку на «исповедальность, лирико-психологическое осмысление внутреннего мира подростка, углубленное внимание к думанью о будущем и настоящем растущего человека, автопсихологизм» [3, с. 85]; «обостряется интерес к осмыслению таких категорий, как нравственность, внимание к субстанциональным проблемам, к вопросам человека о смысле жизни, назначении личности, ее взаимодействии с окружающим, а главное – о поисках истины и правды» [3, с. 97].

Заключение

Проанализированные рассказы Ю. Яковлева вписываются в основные тенденции развития литературы 1970-х гг. Писатель, с одной стороны, наследует черты, характерные для «лейтенантской прозы» (соединение лиризма, психологизма с натурализмом в описании быта военного времени, внимание к внутреннему миру персонажа, к вопросам самоопределения, экзистенциального по своей сути, опора на воспоминания и документальные свидетельства), с другой стороны, в его рассказах прослеживаются черты военной прозы уже постоттепельной поры: на первый план выходит персонаж – духовный потомок фронтовиков; война – не непосредственный опыт центрального героя, а воображаемый, восстанавливаемый в сознании через механизмы постпамяти. Ю. Яковлев вводит принципиально новые по сравнению с предшествующей детской литературой о войне сюжетные ходы, приемы, направленные на решение задач преодоления межпоколенческого разрыва в понимании событий Великой Отечественной войны, сохранения ценности памяти о трагическом прошлом.

Как отмечает Т. Воронина, для художественной передачи событий войны, блокады Ленинграда в 1970–80-е гг. характерно сочетание «соцреалистического канона» и экзистенциальной прозы [25]. Это суждение правомерно и по отношению к текстам Ю. Яковлева.

Система персонажей, особенности сюжетной и пространственно-временной организации рассматриваемых произведений Юрия Яковлева направлены на передачу чувства единения современного 1960–70-м гг. поколения с поколением, пережившим войну, ответственности перед

современниками и потомками за сохранение исторической памяти.

Рассказать о «тихих» подвигах погибших во имя того, чтобы остальные жили, — экзистенциальная миссия писателя. Утверждение правды прошлого в настоящем, по мысли Ю. Яковлева, —

это необходимый, хотя и «трудный путь» ответов на очень «трудные вопросы». При этом именно ребенок у Ю. Яковлева парадоксальным образом оказывается проводником и (или) спутником взрослого в мир воспоминаний о военном времени.

Список источников

1. Фёдоров Р. Ю. Духовно-нравственные ориентиры творчества писателя Юрия Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85), ч. 1. С. 67–73.
2. Фоменко Л. Н. Юрий Яковлев: очерк творчества. М.: Детская литература, 1974. 128 с.
3. Челюканова О. Н. Художественный и внутрилитературный синтез в развитии русской прозы для детей и юношества 50–80-х гг. XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 412 с.
4. Оводенко Ю. В. Осмысление рассказа Юрия Яковлева «Тяжелая кровь». VIII класс // Литература в школе. 2016. № 6. С. 37–38.
5. Политова И. Н. Уроки нравственности: рассказ «Баваклава» Юрия Яковлева // Литература в школе. 2019. № 10. С. 10–11.
6. Алексеева Н. В. «Благородное сердце Васи». Урок-размышление по рассказу Ю. Я. Яковлева «Рыцарь Вася». URL: <https://urok.1sept.ru/articles/508961> (дата обращения: 20.03.2023).
7. Лазарева Г. В. Урок внеклассного чтения по рассказу Ю. Яковлева «Рыцарь Вася». URL: <https://urok.1sept.ru/articles/591377> (дата обращения: 20.03.2023).
8. Агафонова А. В. Урок литературы «Людей неинтересных в мире нет...» (по рассказу Ю. Яковлева «Багульник»). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/612055> (дата обращения: 20.03.2023).
9. Бурова А. Ю. Эйдос-конспект по рассказам Ю. Яковлева: анализ методического опыта // Международный научно-образовательный форум «Педагогика XXI века: вызовы и решения». Международная конференция «Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0»: сб. статей. Томск, 2021. С. 24–29.
10. Челюканова О. Н. Конфликт рационального и эмоционального в произведениях Ю. Яковлева // Православие и русская литература: сб. ст. / отв. ред. Б. С. Кондратьев. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. С. 227–230.
11. Горобец Н. И. Методические приемы постижения художественного стиля речи курсантами ближнего зарубежья (на примере рассказа Ю. Яковлева «Тяжелая кровь») // Военное образование в XXI веке: проблемы преподавания русского языка и дисциплин специальности в иностранной аудитории: к 120-летию Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва. Межвузовская научно-практическая конференция. 12 ноября 2020 года: сб. науч. ст. / под общ. ред. Н. В. Бугорской. СПб.: Р-КОПИ, 2020. С. 174–180.
12. Минералова И. Г., Цуруева П. Ш. Семантика и символика образа школы в прозе о Великой Отечественной войне: Б. Рахманин, Ю. Яковлев // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Алексея Федоровича Лосева. Ярославль, 2021. С. 64–72.
13. Пессяников К. Д. Особенности преобразования художественного текста второго ряда в литературный сценарий (на материале повести Ю. Яковлева «Балерина политотдела») // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 565–567.
14. Тихомирова Л. В. «Балерина политотдела» Ю. Яковлева: исторический контекст и нравственная основа // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов междунар. науч. конф. / науч. ред. Н. Ю. Желтова. Тамбов: Дер-жавинский, 2021. Вып. 10. С. 302–307.
15. Яковлев Ю. Я. Последний фейерверк: повести и рассказы. М.: Детская литература, 1989. 158 с.
16. Рождественский Р. За того парня. URL: <https://www.culture.ru/poems/42688/za-togo-parnya> (дата обращения: 18.06.2023).
17. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.
18. Артамонова В. В., Куликова И. М. Репрезентация темы «Детство и война» в русской прозе второй половины XX – начала XXI в. // Научный альманах. 2015. № 12-3 (14). URL: <http://ucom.ru/doc/na.2015.12.03.320.pdf> (дата обращения: 18.06.2023).
19. Яковлев Ю. Рассказы и повести. М.: Детская литература, 2020. 268 с.
20. Степанова М. М. Памяти памяти: Романс. 5-е изд., испр. М.: Новое издательство, 2021. 408 с.
21. Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // Культура и текст. 2020. № 4 (43). URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2020/12/06-24.pdf> (дата обращения: 18.06.2023).
22. Яковлев Ю. Я. Самая высокая лестница. Рассказы и повести. М.: Детская литература, 1974. 256 с.
23. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 1. С. 162–180.

24. Моисеева В. Г. Слова «великие» и «простые» о Великой Отечественной войне: к вопросу об эволюции русской «военной» прозы второй половины XX века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 58–72.
25. Воронина Т. Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.

References

1. Fedorov R. Y. Dukhovno-nravstvennyye oriyentiry tvorchestva pisatelya Yuriya Yakovleva [Spiritual and moral guidelines of the work of the writer Yuri Yakovlev]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2018, no. 7 (85), p. 4, pp. 67–73 (in Russian).
2. Fomenko L. N. *Yuriy Yakovlev: ocherk tvorchestva* [Yuri Yakovlev: essay on creativity]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1974. 128 p. (in Russian).
3. Chelyukanova O. N. *Khudozhestvennyy i vnutriliteraturnyy sintez v razvitii russkoy detskoy i yunosheskoy prozy 50–80-kh gg. XX veka. Dis. kand. filol. nauk* [Artistic and intraliterary synthesis in the development of Russian prose for children and youth in the 50–80s. XX century. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2015. 412 p. (in Russian).
4. Ovodenko Yu. V. Osmysleniye rasskaza Yuriya Yakovleva “Tyazhelaya krov”. VIII klass [Comprehension of Yuri Yakovlev’s story “Heavy Blood”. VIII class]. *Literatura v shkole*, 2016, no. 6, pp. 37–38 (in Russian).
5. Politova I. N. Uroki nravstvennosti: rasskaz “Bavaklava” Yuriya Yakovleva [Lessons of morality: the story “Bavaklava” by Yuri Yakovlev]. *Literatura v shkole*, 2019, no. 10, pp. 10–11 (in Russian).
6. Alekseyeva N. V. “Blagorodnoye serdtse Vasi”. Urok-razmyshleniye po rasskazu Yu. YA. Yakovleva “Vityaz’ Vasya” [“Vasya’s noble heart”. Lesson-reflection based on the story of Yu. Ya. Yakovlev “Knight Vasya”] (in Russian). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/508961> (accessed 20 March 2023).
7. Lazareva G. V. Urok vneklassnogo chteniya po rasskazu Yu. Yakovleva “Vityaz’ Vasya” [Extracurricular reading lesson based on the story by Yu. Yakovlev “Vityaz Vasya”]. *Izdatel’skiy dom “Pervoye sentyabrya”* [Publishing House “First of September”] (in Russian). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/591377> (accessed 20 March 2023).
8. Agafonova A. V. Urok literatury “Net na svete neinteresnykh lyudey...” (po povesti Yu. Yakovleva “Bagul’nik”) [Literature lesson “There are no uninteresting people in the world...” (according to the story of Yu. Yakovlev “Ledum”)]. *Izdatel’skiy dom “Pervoye sentyabrya”* [Publishing House “First of September”] (in Russian). URL: <https://urok.1sept.ru/articles/612055> (accessed 20 March 2023).
9. Burova A. Yu. Eydos-konspekt po rasskazam Yu. Yakovleva: analiz metodicheskogo opyta [Eidos-compendium based on the stories of Yu. Yakovlev: analysis of methodological experience]. *Mezhdunarodnyy nauchno-obrazovatel’nyy forum “Pedagogika XXI veka: vyzovy i resheniya”. Mezhdunarodnaya konferentsiya “Prioritety i strategicheskiye napravleniya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya na vysote 4.0”: sbornik statey* [International scientific and educational forum “Pedagogy of the XXI century: challenges and solutions”. International conference “Priorities and strategic directions for the development of teacher education at a height of 4.0”: a collection of articles]. Tomsk, 2021. Pp. 24–29 (in Russian).
10. Chelyukanova O. N. Konflikt yestestvennogo i emotsional’nogo v proizvedeniyakh Yu. Yakovleva [The conflict of the natural and the emotional in the works of Yu. Yakovlev]. *Pravoslaviye i russkaya literatura: sbornik statey*. Red. B. S. Kondrat’ev [Orthodoxy and Russian literature: collection of articles. Ed. B. S. Kondratiev]. Arzamas, Arzamas branch of UNN Publ., 2019. Pp. 227–230 (in Russian).
11. Gorobets N. I. Metodicheskiye priyomy postizheniya khudozhestvennogo stilya rechi kursantami blizhnego zarubezh’ya (na primere rasskaza Yu. Yakovleva “Tyazhelaya krov”) [Methodical methods of comprehension of the artistic style of speech by cadets of the near abroad (on the example of Yu. Yakovlev’s story “Heavy Blood”)]. In: *Voyennoye obrazovaniye v XXI obnaruzhil: problemy prepodavaniya russkogo yazyka i distsipliny spetsial’nosti v inostrannoy vystavke: k 120-letiyu Voennoy akademii material’no-tekhnicheskogo obespecheniya imeni generala armii A. V. Khrulyova. Mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. 12 noyabrya 2020 g.: sbornik nauchnykh statey* [Military education in the XXI discovered: the problems of teaching the Russian language and the discipline of a specialty in a foreign exhibition: on the 120th anniversary of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Khruleva. Interuniversity scientific and practical conference. November 12, 2020: collection of scientific articles]. Under the general. ed. N. V. Bugorskaya. Saint Petersburg, R-KOPI LLC Publ., 2020. Pp. 174–180 (in Russian).
12. Mineralova I. G., Tsuruyeva P. Sh. Semantika i simbolika obraza shkoly v proze o Velikoy Otechestvennoy voyne: B. Rakhmanin, Yu. V. Yakovlev [Semantics and symbolism of the school image in prose about the Great Patriotic War: B. Rakhmanin, Yu. Yakovlev]. In: *Sintez russkoy i mirovoy khudozhestvennoy kul’tury: materialy XXI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Aleksey Fyodorovicha Loseva* [Synthesis of Russian and World Artistic Culture:

- Proceedings of the XXI All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Alexei Fedorovich Losev]. Yaroslavl, 2021. Pp. 64–72 (in Russian).
13. Pessyanikov K. D. Osobennosti preobrazovaniya khudozhestvennogo teksta v literaturnyy stsenariy (na materiale povesti Yu. Yakovleva “Balerina politotdela”) [Peculiarities of Transforming the Artistic Text of the Second Row into a Literary Script (Based on Yu. Yakovlev’s Story “Ballerina of the Political Department”)]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya – The world of science, culture, education*, 2020, no. 2 (81), pp. 565–567 (in Russian).
 14. Tikhomirova L. V. “Balerina politotdela” Yu. Yakovleva: istoricheskiy kontekst i moral’naya osnova [Yu. Yakovleva’s “Ballerina of the Political Department”: Historical Context and Moral Basis]. In: *Slavyanskiy mir: dukhovnyye traditsii i literatura: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Vypusk 10* [Slavic world: spiritual traditions and literature: collection of materials of the International scientific conference. Issue 10]. Scientific ed. N. Yu. Zheltov. Tambov, Derzhavinskiy Publ., 2021. Pp. 302–307 (in Russian).
 15. Yakovlev Yu. Ya. *Posledniy feyerverk: romany i rasskazy* [Last fireworks: novels and short stories]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1989. 158 p. (in Russian).
 16. Rozhdestvenskiy R. *Za togo parnya* [For that guy] (in Russian). URL: <https://www.culture.ru/poems/42688/za-togo-parnya> (accessed 18 June 2023).
 17. Khirsh M. *Pokoleniye postpamyati: Pis’mo i vizual’naya kul’tura posle Kholokosta* [The Post-Memory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow, Novoye izdatel’sтво Publ., 2021. 428 p. (in Russian).
 18. Artamonova V. V., Kulikova I. M. Reprezentatsiya temy “detstvo i voyna” v russkoy proze vtoroy poloviny XX – nachala XXI veka [Representation of the theme “childhood and war” in Russian prose of the second half of the 20th – early 21st centuries]. *Nauchnyy al’makh – Science Almanac*, 2015, no. 12-3 (14) (in Russian). URL: <http://ucom.ru/doc/na.2015.12.03.320.pdf> (accessed 18 June 2023).
 19. Yakovlev Yu. *Rasskazy i romany* [Stories and novels]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 2020. 268 p. (in Russian).
 20. Stepanova M. M. *Pamyati pamyati: Romans* [Memories of Memory: A Romance]. Moscow, Novoye izdatel’sтво Publ., 2021. 408 p. (in Russian).
 21. Kovtun N. V. Tema pamyati v sovremennoy proze o Velikoy Otechestvennoy voyne [The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War]. *Kul’tura i tekst*, 2020, no. 4 (43) (in Russian). URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2020/12/06-24.pdf> (accessed 18 June 2023).
 22. Yakovlev Yu. Ya. *Samaya vysokaya lestnitsa. Rasskazy i romany* [The highest ladder. Stories and novels]. Moscow, Children’s literature Publ., 1974. 256 p. (in Russian).
 23. Leyderman N. L., Lipovetskiy M. N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-ye gody: v 2 tomakh* [Modern Russian Literature: 1950–1990s: in 2 volumes]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. Vol. 1. Pp. 162–180 (in Russian).
 24. Moiseyeva V. G. Slova “velikiye” i “prostyye” o Velikoy Otechestvennoy voyne: k evolyutsii russkoy “voyennoy” prozy vtoroy poloviny XX veka [Words “great” and “simple” about the Great Patriotic War: to the evolution of Russian “military” prose of the second half of the twentieth century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, 2015, no. 3, pp. 58–72 (in Russian).
 25. Voronina T. *Pomnit’ po-nashemu: sotsrealisticheskiy istorizm i blokada Leningrada* [Remember in Our Way: Socialist Realist Historicism and the Siege of Leningrad]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. 280 p. (in Russian).

Информация об авторах

Полева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Липовка В. О., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Poleva E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Lipovka V. O., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 22.08.2023; accepted for publication 26.09.2023